

карнавализации, базирующейся на данной философии народной культуры и площадного смеха. Поскольку в центре концепции карнавализации находится «идея об «инверсии двоичных противопоставлений», то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций» [Руднев 1997], то можно заключить, что карнавальное мировосприятие характеризуется амбивалентностью, двойностью культурных образов (смыслов), в рамках которого основное противопоставление идет по линии полюсов (*верх-низ, смешное-серьезное, приличное-неприличное* и т. п.). Объединение противопоставленных модусов служит снижению признаваемых в данное время и в данном обществе ценностей. Карнавальный элемент способствует созданию двумирия, где все не похоже на действительность: то, что является важным и серьезным в действительности, в этом мире представляется смешным, воспринимается и постигается в своей смеховой ипостаси. Именно так работает эффект карнавализации в СМИ [Иванова, Артемова 2011].

Вопрос, который неизбежно встает при анализе развлекательного характера современных СМИ состоит в том, идет ли речь о всеобновляющем смехе [Бахтин 1963: 143], к идее которого сводится смысл концепции М. М. Бахтина, или речь идет о поверхностной развлекательности, которая «заигрывает» обсуждаемые в дискурсе массмедиа серьезные проблемы современного общества, хотя и относится к проявлениям игрового сознания современного человека и отвечает его требованиям.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1996.

Иванова С. В., Артемова О. Е. Роль карнавализации в идентификации культурного кода (на материале современного американского медиадискурса) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. – № 1. – Т. 7. – С. 125–136.

Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – Москва, 2005.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: Научное издание / Ин-т филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М., 1997.

Chomsky N. Language and Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Farb P. Word Play. What Happens When People Talk. – New York: Vintage Books, 1993.

Т. В. Ицкович
Уральский федеральный университет

РАССКАЗ О ПАЛОМНИЧЕСТВЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ СМИ

В последние десятилетия наблюдается возрождение и активное развитие такого явления религиозной жизни, как паломничество – путешествие по святым местам. Паломничество к религиозным святыням, в религиозные центры обусловлено, в частности, стремлением верующих получить новый духовный опыт, убедиться в реальности мистических артефактов, ощутить причастность к событиям, отраженным в Священном Писании и Священном Предании. Человек, отправляющийся в паломничество, ощущает себя частью «воображаемого религиозного сообщества» [Андерсон 2001], объединенного единой верой, единым мировоззрением,

единым мировосприятием. Религиозная идентичность при этом является более важной, чем любая другая (возрастная, гендерная, этническая и др.).

Религиозные центры объединяют вокруг себя верующих. Человек, отправляясь в паломничество, надеется пережить новый духовный опыт. Сегодня, когда мобильность людей возросла, паломничество перестает быть исключительным явлением, поэтому цель паломничества, существовавшая ранее, – увидеть и засвидетельствовать реальность религиозных артефактов, сегодня трансформируется в иную – пережить духовный опыт и поделиться своими переживаниями с единомышленниками, членами «воображаемого сообщества».

С развитием современных средств массовой коммуникации, напрямую коснувшимся и религиозных сообществ, возник феномен приходских газет, объединяющих единомышленников в рамках прихода. На страницах приходских газет авторы – известные всем члены религиозной общины – делятся своими размышлениями на различные темы. Один из популярных жанров – рассказ о паломнической поездке, являющийся предметом рассмотрения в настоящей статье.

Материалом исследования послужили статьи, напечатанные в газете «Перикатарма», издаваемой приходом во имя святителя Иннокентия Московского (Екатеринбург) [<http://propovednik2100.ru/perikatarma/>]. Прихожане часто отправляются в паломнические поездки и делятся своими впечатлениями на страницах приходской газеты.

В статьях о паломнической поездке четко прослеживается конструктивный принцип религиозного стиля – двоemiрие. Авторы статей осознают дуальность сакрального и профанного миров, противопоставленность духовного и телесного, святого и грешного в мире и человеке. Сам факт паломничества означает стремление оторваться от профанного, грешного мира и прикоснуться к миру сакральному, обратить внимание на жизнь души.

В текстах статей размышления авторов о вечном и временном прямо эксплицированы. *«Деревушка Костылева – ничего особого сама по себе, но вот монастырь – это именно как Небо – и земля...»¹* (А. Цориев, Предновогоднее путешествие в Верхотурье, Перикатарма, № 29). *«Да и куда спешить здесь, посреди вечных истин и неуывающей святости? Но мы спешим, грешные...»* (там же). *«Душа чувствует гораздо больше по сравнению с телом и видит больше по сравнению с глазами»* (А. Климина, Миры Ликийские, Перикатарма, № 48).

Осознание собственной греховности во время путешествия не оставляет авторов на протяжении всего текста. Так, например, препятствия, возникающие во время паломничества, конфликты воспринимаются как искушения, результат внутреннего несовершенства. Герой статьи А. Цориева «Предновогоднее путешествие в Верхотурье» несколько раз по дороге в монастырь выбирает неправильный путь, перекладывая ответственность на священника, которые едет с ним: *«Отец Илия говорит, мол, ничего, через город проедем. Ну а я и рад ответственность на пастыря сбавить, еду себе, и в ус не дую, знай, музыку слушаю да вокруг смотрю – ни разу в Тагиле не был, интересно сильно!»* (Перикатарма, № 28). В словах автора ирония, понятная читателю газеты, – паломничество должно совершаться в состоянии духовной собранности и ответственности.

Мысль о перекладывании ответственности за принятие решения на священника, высказанная в начале статьи и осознаваемая как грех, замыкает статью, образуя кольцевую композицию. Способность признать свои ошибки, желание не повторять их, сомнение в собственных силах в борьбе с грехом и надежда на помощь Бога – характерная черта рассказов о паломничестве. Герой, находясь в ситуации выбора – дождаться священника, несмотря на усталость, или уехать домой, оставив его добираться самостоятельно, перекладывает ответственность за принятие решения на священника: *«Неудобно оставлять любимого священника одного на севере, переспрашиваю не раз: «Может, дождемся Вас, отче? Может, скоро освободитесь, а?» И, выслушав опять вежливое: «Да доберусь, езжайте!» решаюсь на хитрость: «Как благословите, отец Илия, так и будет» ... Ну а что... благословил... поехали... А приехали – то первое, что услышали от отца настоятеля: «Вы что же, отца Илию одного оставили?». Неудобно. Зовите нас с собою еще разик, отец Илия, в следующий раз – будем ждать до упора и не поведемся, Бог даст!»* (Перикатарма, № 29).

---

¹ Здесь и далее принята орфография и пунктуация оригинала.

Постоянное внимание к своему внутреннему состоянию, оценка ситуации с религиозной позиции, осознание духовного несовершенства сопровождает автора-героя статьи: *«Интересное случилось на пути обратно: мы остановились на площадке этой и увидели мужчину, который направлялся к нам. Пришла мысль, что это тот самый человек, которому можно сделать доброе дело, например, подвезти до куда... Слева послышалась мысль – «это лихой человек, уезжайте, ну его!» Сижусь, как на иголках, а вдруг и вправду – недобрый мужик этот? Справа – молитва: «Господи, укажи правду Твою, не дай сглупить!». Результат – мужчина прошел мимо, прогулялся и вернулся обратно... Стало стыдно за свою подозрительность. Ну да ладно, лишний раз почувствовать свое несовершенное нутро тоже полезно, а то еще начнешь заблуждаться на свой счет, что ни к чему не нужно»* (Перикатарма, № 29).

Удачный выход из проблемной ситуации оценивается как результат вмешательства представителей мира сакрального: *«мудрая моя жена стала меня убеждать, что не нужно брать на душу грех осуждения, поучения, что сам-то недавно был таким же, что Господь и Симеонушка сами все видят и «примут меры» на пользу им», «оставшуюся часть пути я как-то быстро успокоился (наверное, Ангел меня погладил по голове)»* (В. Власов, Симеонушка Чудотворный, Перикатарма, № 19).

Оценка всех встречающихся во время паломничества фактов происходит сквозь призму религиозного мировоззрения. *«Когда прихожане Церкви в Сан-Педро-Де-Алькантара попросили нас присоединиться к хору, мы отказались. Сказали: «Мы приехали на три недели. Мы живем за 160 км. Мы – вообще неизвестно, приедем ли сюда хоть еще раз». И опять... Что почувствовалось? А то, что, вот, людям мы нужны, люди нас оценили, люди обрадовались тому, что мы есть и появились в их жизни! А мы? А мы – нет! До свиданья, мы не отсюда, у нас свои проблемы и вообще, через две недели нас уже здесь не будет»* (А. Цориев, Православная Испания, Перикатарма, № 48).

Перед читателем разворачивается исповедь автора-героя, внутренний анализ мотивов и побуждений, переход от помысла к слову и действию, борьба с помыслами – тот внутренний ход мыслей, который затмевает описания реалий поездки, хотя и они важны и составляют обязательную часть рассказов о паломничестве.

В то же время большое место в статьях о паломнических поездках занимает рассказ об исторических событиях, внешнем виде храмов, быте и нравах местных жителей. Такого рода фрагменты часто представляют собой переосмысленную и эмоционально пережитую автором информацию, где на первый план выходит оценочный компонент, проявляющийся в отборе и расположении известной информации, в использовании оценочной лексики. Описание мест происходит через призму душевного и духовного состояния автора, фактическая информация уходит на второй план, что осознается автором: *«Почему я про это говорю? Потому что, пытаюсь рассказать об Испании, понимаю, что Испания, Россия, Альфа-Центавра – нет никакой разницы. Человек настолько выше (и ниже) и сложнее всех географических и даже астрономических особенностей, что реального интереса рассказ о другой стране вызвать не может. В крайнем случае – нечто вроде любопытства (ну-ка, что там, в этих Гешпаниях?...). А интерес вызывает лишь болезненное переживание реальности человеком. В Испании, в Италии, в Австралии или на Луне ... Мы еще были в Севилье и Кордове. Эти два города заслуживают (как считается вообще) интереса, упоминания и описания. Поэтому попытаюсь описать и упомянуть. Оговорюсь – не стоит считать, что нам (мне) не понравилось в этих городах. Мне очень понравилось. Но не испытал я там такого сверхъестественного чувства, которое представляется, когда ты читаешь об этих местах в книге, представляешь, как было бы хорошо туда съездить и как замечательно было бы рассказать о них по приезде оттуда. Ну не так все!»* (А. Цориев, Православная Испания, Перикатарма, № 48).

Мучительное переживание автором экзистенциального чувства одиночества находит подтверждение в мыслях русского религиозного философа И. Ильина (в статье приводится объемная цитата) и влечет за собой дальнейшие размышления о роли Бога в жизни человека. Возвращение к теме статьи – православная Испания – фрагментарно и служит одновременно

и иллюстрацией к аргументу в рассуждении, и поводом для перехода к следующему аргументу (А. Цориев, Православная Испания, Перикатарма, № 48).

Таким образом, современные рассказы о паломничестве в православных СМИ представляют собой размышления автора о духовной жизни, реальная, профанная жизнь в паломнической поездке – повод обратиться к миру духовному, сакральному, внешние события позволяют осознать собственную греховность. Личность паломника выходит на первый план, саморефлексия по поводу собственной дуальности, осознание религиозной идентичности становятся ведущими признаками жанра рассказа о паломничестве.

Литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М, 2001.

Перикатарма / <http://propovednik2100.ru/perikatarma/>

Е. Н. Ищук

Тольяттинский государственный университет

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПЕРИФЕРИЙНОЙ ПУНКТУАЦИИ В АСПЕКТЕ ИДИОСТИЛИ АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ Н. СКАНДИАКИ)

Если опираться на теорию структуры пунктуационной системы, то помимо знаков препинания, составляющих её ядро, существует периферия, к которой относятся различные типографские приёмы. Одно из свойств периферии любой системы – стремление к усложнению. В век Интернета не могли не произойти изменения в пунктуации, и в письменную речь хлынул поток различных небуквенных графических средств, которые имеются на клавиатуре. Такие значки, как «собака», слеш и «смайлики», стали активно употребляться не только в повседневном виртуальном общении, но и в литературном творчестве, рождённом и бытующем в Интернете. Одним из Интернет-поэтов, который активно использует помимо традиционных знаков препинания различные компьютерные значки, преследуя различные авторские цели, и сознательно нарушает общепринятые пунктуационные правила, можно назвать Н. Скандиаку:

*на кольца режет себя (свелось) и тилось, стаёт
и ниже нижеется (да расставайся
уже) или же лижется ещё ближе, ищет
себя ище/ и у/ стоит [Скандиака 2007: 79].*

Такое пунктуационное оформление нарушает тот самый договор между пишущим и читающим, ради которого были созданы правила пунктуации (грамматические связи разорваны), но обилие знаков препинания и использование компьютерных значков даёт возможность поэте не только открыть новые смыслы текста, но и показать свою индивидуальную манеру письма и видения мира. Излюбленными символами для автора являются слеш и скобки. Н. Скандиака употребляет скобки не в традиционном значении, а для построения текста в виде лингво-математической формулы. Слова (*свелось*) и *тилось* можно приравнять к фразе *свелось и светилось*, но первый вариант выглядит более компактным, повторяющаяся часть слова *све-* как бы «выносится за скобки» в качестве общего элемента. Данный приём противоположен анафорическому повтору и тяготит к англоязычной поэзии Э. Каммингса. Внутренние значения данных слов вступают в связь и рождается цепочка превращения одного образа в другой: *свелось -> соединилось -> при объединении возникло свечение* – один из вариантов ин-